

Ксения З

Три минуты вечности

16+

Ксения З

Три минуты вечности

«ЛитРес: Самиздат»

2012

З К.

Три минуты вечности / К. З — «ЛитРес: Самиздат», 2012

...Когда умирает тело, когда останавливается пульс. Что происходит, когда занавес жизни опускается? А вдруг за порогом смерти начинается новая жизнь. Она разбивается на автомобиле, возвращаясь зимней ночью со съемок. И в ту секунду, когда заканчивается одна жизнь, начинается новая. В этой жизни будет место всему: радости, предательству, обманам и самой большой любви. Чем закончатся чувства, которые изначально уже обречены? Что делать, когда всё против: отпустить или идти до конца?

© З К., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Часть I.

Глава 1.

*...И захочется за ними, дальше, выше
Чтоб лететь сквозь мир, пронзая бесконечность,
Кинуть взгляд прощальный, вскользь, по крышам,
Улетая быстро к солнцу, к звездам, в вечность.*

...И тогда началась война. Тогда сошлись две великие и непобедимые силы. Они бились насмерть несколько лет, и их борьба землетрясениями, бурями и цунами, отдавалась по всей земле. Она длилась очень долго. Пока однажды, облитые кровью и изнемогающие армии не посмотрели на подлунный мир и не ужаснулись. От человечества ничего не осталось, одни руины, одни разрушения. Война потеряла смысл. И силы были равны. Все стало уже не важно. Не над чем больше делить власть, некого больше оберегать. Все кончено.

...Мы не должны быть вместе, наш союз обречен, он принесет гибель не только нам, он снова принесет крушение всему человечеству. Так не должно случиться. Слишком много уже было боли.

Его голос то звенел, то звучал приглушенно, словно вот-вот замрет, а я чувствовала, как жизнь медленно, точно пытаюсь задержаться, все уходит и уходит из меня по капле...

Что есть смерть? Конец всему или начало чего – то нового? Что это – переход в другой мир? Что чувствует человек в то мгновение, когда его тело становится легче на двадцать один грамм? Задумываемся ли мы об этом при жизни?

Иногда я думала о том, что же такое смерть, но это было так вскользь и так поверхностно. Наверное, я боялась представить себе, что же ждет меня за ее порогом. Может быть, моя душа взлетит к небесам, может быть, меня ждет великий Божий суд. А, возможно, я кану в небытие, растворившись в чем– то призрачно-туманном и неведомом. Или может, мне просто казалось, что со мной такого и вовсе никогда не случится. А теперь...

А вот теперь я точно знаю, что умерла. Где – то отдаленно раздаются какие-то странные визжащие звуки, где-то по – прежнему надрывно и протяжно гудят автомобильные сирены. Я все иду и иду. Стараясь уйти как – можно дальше от резкого и дребезжащего шума. Я не вижу яркого и слепящего света, я не слышу голоса, зовущего меня. Я просто иду, потерянная и больше никому не нужная. Это так странно чувствовать.

Кругом зима. Она обволакивает, тонкой пеленой невидимого полупрозрачного снега. Он укутывает меня одеялом, он прячет меня, от надвигающейся и неизбежной реальности, которая грозит наступить с каждым шагом. Мне страшно! "Господи, как же мне страшно!!!!" И холодно!!!! Я иду, спотыкаюсь, падаю, снова иду. Моя одежда насквозь промокла. Снег тает на моих губах, на моих ресницах. Снег тает и мне страшно. А в голове смутные остатки воспоминаний. Воспоминания. Я не знаю, то ли это реальность, то ли мои глупые выдумки.

Неожиданно я останавливаюсь, и осматриваюсь вокруг. Везде так темно. Так пусто. И вдруг, как вспышка... Я неожиданно отчетливо понимаю, что не могу сейчас уйти, что где-то там осталось что-то важное и родное. Разворачиваюсь и бегу. Бегу, что есть силы, бегу обратно. Туда, где медленно угасает моя хрупкая жизнь, туда, где неизбежно умирает мое тело, где замирает мой пульс. Обратно!!!! Туда, где больше уже ничего не вернуть.

Неожиданно острая боль пронзает мои глаза. Я падаю, пытаюсь осознать, что происходит. Колени, руки, волосы, словно в грязи, они в крови. А может, в снегу?

Я судорожно пытаюсь ухватить руками воздух, пытаюсь дышать, но грудь словно наполнена огромной тяжестью. Мир с безумной скоростью раскачивается перед моими полуслепшими глазами, словно я забралась на опасные качели.

Стараюсь дышать глубже, чтобы успокоится. Закрываю с силой глаза и пытаюсь привести сознание в порядок. Насколько это вообще сейчас возможно. Однако стало легче через пару минут, и постепенно мои мысли заработали в привычном ритме. Страх начинал отступать. Впервые, за это время я понимаю, что могу рассуждать более или менее здраво, или мне только кажется и это?

Я вижу голую, изодранную шинами трассу. Все умерло. Или нет?

Я вижу, скорую помощь. Вижу людей, которые столпились полукругом возле чего-то, что я не могу разглядеть за их спинами. Они переговариваются приглушенными голосами. Я смотрю в сторону. Я узнаю свою машину, вернее то, что от нее осталось. Мой красный Ford, как-то нелепо повис на грязной обочине одним спущенным колесом. Его обгоревшие останки заботливо, словно стремясь прикрыть наготу, застилает снег. Я не понимаю, что произошло. Как вышло, что я стою здесь, совершенно одна, среди зимы в тонкой изодранной кофточке и абсолютно никто не обращает на меня ровно никакого внимания? Я медленно обхожу столпившихся на трассе людей, пытаюсь заглянуть в лицо каждому. Но их взгляды прикованы к вытянутому предмету, лежащему посередине дороги и укрытому черным куском брезента.

Высокий мужчина в сером драповом пальто поверх больничного халата быстро подходит к машине скорой помощи, заглядывает вовнутрь и что-то резким голосом кричит двоим парням в белых шапочках, которые сидят в кабине. Они моментально спрыгивают на землю, держа в руках металлические грязные носилки, кладут их рядом с предметом, а потом четким движением скидывают предмет на них.

В эту секунду из-под брезента высовывается тонкая белая рука, с большим золотым кольцом на безымянном пальце. Моя рука. В полном шоке я смотрю на ту часть тела, которая вроде бы должна являться моей, только теперь начиная до конца осознавать, что же произошло на скользкой зимней трассе.

В кино часто показывают моменты, когда человек осознает, что он больше не является частью этого мира. Пытается привыкнуть к тому, что отныне он принадлежит чему-то непознанному. В этих однотипных фильмах и реакция у главных героев, как правило, однотипна. Паника. Они пытаются привлечь к себе внимание, пытаются что-то изменить. Или убежать от того, что видят. Но у меня было по – другому. Я просто стояла и смотрела, как мое бездыханное тело небрежно кидают в машину. Как люди, для которых – чья-то смерть – обычная работа, спокойно закуривают, переговариваясь о чем-то своем, житейском и подчас, совершенно обыденном.

Я поворачиваюсь на голоса стоящих за моей спиной людей. Двое мужчин, зажав в руках по сигарете, смотрят на происходящее:

– Слушай, как же ее мотало по трассе, еще бы немножко и нас бы зацепила. Ужас! Никогда раньше такого не видел.

– Да, – отвечает второй, – жалко девчонку, такой лед на дорогах. Красивая была.

Слух резануло слово «Была». Плечи передернуло. Я пыталась вспомнить, что же произошло на трассе, но безрезультатно. Казалось, все мои воспоминания стерты чьей-то заботливой рукой. Не зная, что мне теперь делать и куда идти я резко вскинула голову в темное ночное небо и, что есть силы, прокричала в холодную черную высь: "Что мне делать? Что делать? Почему ты молчишь? Почему никто не приходит за мной? Что мне делать?". Я падаю на колени, прячу лицо в ладонях. Я хочу заплакать, но слез почему-то нет. Лишь жалкие попытки сдавленных рыданий больно раздрают грудь.

– Ты не боишься простудиться? Сидишь вот так, на холодной дороге.

Накатывает оцепенение. Я медленно поднимаю голову, боясь того, что я просто сошла с ума и у меня начались галлюцинации.

Передо мной стоит высокий мужчина средних лет со спутанными седыми волосами, в круглом пенсне и длинном белом пальто. Наверное, он красив, но сейчас мне трудно было это

оценить. Он нежно и заботливо мне улыбается, потом быстро снимает пальто и накидывает его мне на плечи. В голове у меня вихрем кружатся самые различные мысли: "Кто он? Что со мной? Что мне делать? «Неужели это конец?», но вместо этого я, неожиданно для себя, произношу совсем другое:

– Я совсем не так вас себе представляла.

Он засмеялся, потянулся в карман белоснежного пиджака, достал сигару, закурил и лениво пустил в воздух столб табачного дыма.

– Знаешь, наша любимая добрая старуха с косой уже давно на заслуженном отдыхе. В каком веке мы живем, Кристиночка?

Я удивилась, как нежно прозвучало в его устах мое имя. И вдруг весь страх куда-то ушел. Он осторожно склонился надо мной и одной рукой быстро поднял меня на ноги. Снова ласково посмотрел на меня сверху вниз.

– Ты молодец, – начал он, – я редко с таким сталкиваюсь, признаться, когда мне сказали, что я должен прийти за тобой, я порядком расстроился.. Обычно у всех у вас начинается паника, и мне требуется огромное количество времени, чтобы объяснить новенькому, что ничего уж такого страшного не произошло.

– Кто вы? – только и смогла вымолвить я.

– О, простите Кристина, я забыл представиться. Меня зовут Лоран Стивенсон, граф Стейтон. И я должен стать вашим проводником.

– Моим проводником куда? Вы что же хотите сказать, что я все-таки...все-таки...

– Умерла... Да, пожалуй. Хотя мы уже давно спорим с этим нелепым термином. Что значит смерть? Вы умерли? Но почему же вы стоите и разговариваете со мной, стало быть, вы все – таки живы. Хотя, что -то я увлекся, не думаю, что сейчас подходящее время для таких полемик. Прошу вас, следуйте за мной.

– За вами? Но куда?

– Куда? ... Туда, куда всем нам рано или поздно приходится идти.. Туда, где ты никогда раньше не была, и откуда пока больше нет пути назад.

Я, молча, встаю и подаю ему руку. Моя ладонь беспомощно тонет в его. Он небрежно склоняется и медленно дышит мне на руку, пытаюсь ее согреть. Я смущенно улыбаюсь. Делаю шаг вперед. СТОП!!!! Я не могу так уйти. Ведь там, за клубящейся дымкой осталась моя жизнь, пусть глупая и ничего не стоящая. Но моя. Я не могу уйти.....

Глава 2.

Я знала, что сейчас заскрипит дверь. Что замок снова неохотно поддастся мне только с третьей попытки. Знала, что за дверью меня ждет полутемный коридор моей однокомнатной съемной квартиры. Я нерешительно вошла и осмотрелась по сторонам. Все, как всегда. Все по-старому. Словно бы и вовсе ничего не произошло.

В комнате послышался дробный топот и навстречу мне выбежала моя собака Бакс. Мое самое, может родное существо в этом мире. Смешно, но так уж вышло. Белесая дворняжка присела передо мной и завильяла хвостом.

– Баксик, милый мой. Ты по мне соскучился, малыш? Я тоже так скучала!!!!

По щекам тонкими дорожками побежали соленые слезы. Вдруг вспомнилось, как четыре года назад, я принесла крошечного плюшевого щенка домой. Промокшего под осенним ливнем и жадно прижимающегося к моим ногам. В ту ночь, лежа с ним рядом, я тихо плакала от счастья, может быть, впервые в своей жизни. От счастья за то, что какое-то маленькое существо любит меня просто так. Всем своим крошечным сердечком. В ту ночь я вдруг впервые поняла, что обрела в маленьком щенке преданного друга. Друга, который каждый вечер будет вот так выбегать мне на встречу, делая меня чуть-чуть счастливее.

Я резко присела и порывисто обняла его.

– Зайчик, ты знаешь, мне теперь нужно идти. Мы расстанемся не надолго, когда-нибудь ты придешь ко мне и мы до конца вечности будем с тобой вместе.

Бакс тихо скулит и все еще жметя к моим ногам, будто не желая меня отпускать. Я медленно, точно, впервые, оглядываю свою квартиру.

Вот знакомые картины на стенах в дешевых, выкрашенных под золото рамках, мой черно-белый портрет. Когда-то я считала его моей самой удачной фотографией, но теперь с квадратного куска бумаги на меня безумно-несчастными глазами смотрела испуганная 17-летняя девочка, впервые попавшая в реальный мир из-за стен детского дома. Я нетвердой походкой ступаю в комнату. В ней царит полумрак. Дома никого нет. Я криво усмехаюсь самой себе. Конечно никого, в это время он никогда не бывает дома, в это время он как обычно на работе. По крайней мере, он всегда хотел, чтобы я так думала. Я присела на диван. Все так странно!!!

В своей жизни мы редко задумываемся о том, что же на самом деле из себя представляем. Мы постоянно за чем-то гонимся, к чему-то стремимся. Подчас, мы просто перестаем замечать все, что окружает нас. Мы только торопимся все успеть, все осуществить. Но парадоксально то, что истина нашего существования на самом деле так близко, а мы остаемся слепы к ней. Вот так и я.

Всегда считала, что живу настоящей жизнью, по крайней мере, последние пять лет. Что вокруг меня все настоящее: работа, дом, любимый человек, друзья, моя начинающая свершаться карьера. И только сейчас, когда ничего нельзя ни поправить, ни изменить, я понимаю, что все это только иллюзия, постоянное убегание от окружающей меня действительности. И, что вот теперь, впервые, моя картонная и выдуманная жизнь накрыла меня с головой....

Я не знаю, когда, и где родилась. Даже не знаю точную дату своего рождения. Моя жизнь началась не так, как у большинства детей. Меня, только что рожденную, с любовью не прижала к груди мама, я не лежала в белой кроватке, накрытая розовым теплым одеялом, окруженная заботой и нежностью. Меня просто кто-то принес и оставил у дверей родильного дома под самое рождество. Поэтому нянечки, наверное, и назвали меня Кристиной, в отличие от большинства других найденышей, получивших имена Маша или Вера.

А потом был небольшой детский дом на окраине моего городка. Я словно заново каждый раз переживаю эти минуты, проведенные там. Некоторые вещи почему-то отпечатались со странной четкостью. Я помню большие просторные коридоры, заваленные дешевыми игрушками, помню пронизывающий зимний холод, который гулял по комнатам, заставляя нас, малышей, теснее прижиматься к друг другу ночью, в узких железных скрипучих кроватях, где мы спали по двое, прячась от сквозняков. Странно, что это настолько сильно отпечталось в моем сознании, хотя многие, на первый взгляд гораздо более важные вещи, вспомнить не могу. А еще я помню постоянное чувство одиночества и ту, любовь, которая нерастраченным клубком всегда теснилась в моей груди. Я была обычным, ничем не примечательным ребенком, и может быть, поэтому никто не пожелал удочерить меня.

Живыми картинами перед моими глазами встают те дни, когда в наш детский дом, приезжали семейные пары, для того, что бы выбрать себе ребенка для усыновления. С годами, правда, таких дней для взрослеющих детей становилось все меньше, но тем они были ценнее для нас. Помню, как в те редкие моменты мы с особой тщательностью одевались и причесывались, надеясь, что вот сейчас откроется дверь нашего приюта и новые папа и мама посмотрят на каждого из нас нежным любящим взглядом.

Почему-то хорошо запомнился теплый, солнечный день, когда к нам приехал высокий красивый мужчина на белой машине, похожей на каравеллу. Он легко спрыгнул с подножки, обошел ее спереди, открыл дверь пассажирского сидения и подал руку очаровательной черноволосой женщине. Она немного не решительно вышла из машины и осмотрелась. К ним деловой походкой направилась наша директриса: строгая и волевая женщина, которую побаива-

лись все, даже самые отвязные жители нашего приюта. Какое-то время они постояли посреди двора, о чем-то тихо беседуя, в то время, как все мы прохаживались мимо них, стараясь выглядеть более привлекательно на фоне всех остальных. Я тоже решила привлечь тогда их внимание и, вооружившись скакалкой, начала прыгать недалеко от них, постоянно поглядывая в ту сторону из – за плеча. Видимо, я совсем уж сосредоточилась на том, чтобы их получше разглядеть, так что неожиданно, моя нога сильно запуталась в кольцах скакалки и я с воплем упала на асфальт. Из глаз моментально брызнули слезы: «Ну, вот, – подумала я, – теперь они увидят, какая я неуклюжая, и ни за что не захотят, чтобы я стала их дочкой.» Черноволосая красавица повернула голову в мою сторону и сделала несколько неуверенных шагов мне навстречу. Затем она грациозно присела со мной рядом, нежно подняла мое грязное заплаканное личико рукой и заглянула мне в глаза. Тогда я единственный раз услышала ее чарующий тихий голос:

– Ну, что ты, девочка... не плачь, тебе больно?

Я нехотя подняла на нее глаза и зачарованно посмотрела на ее безумно красивое лицо. Она осторожно запустила руку в карман и достала большую шоколадную конфету в яркой цветной обертке. Протянув ее мне, она осторожно взяла меня под руку и помогла подняться.

– Вот. – произнесла она – все же теперь хорошо!!! – Не грусти, детка, все пройдет.

Я испуганно улыбнулась ей. Ту минуту, наверное, я запомнила на всю жизнь. Ее, красивую и изящную, в тонком облегающем белом костюме, и в шляпе, с огромными полями. Она с такой теплотой смотрела на меня, что тогда-то я решила, именно так и должна выглядеть настоящая мама. Ее спутник бесшумно подошел и бережно обнял ее за плечи. Он тоже улыбнулся мне и в ту секунду моя изорванная детская душа, хотя бы не надолго обрела покой. Тогда, наверное, единственный раз в своей жизни, я почувствовала себя частью настоящей семьи.

А потом, через неделю наш детский дом навсегда покинула Светка Королева. Самая красивая девочка. Ею всегда не переставали восхищаться постоянно сменяющиеся нянечки и воспитатели. Я хорошо помню то летнее жаркое утро, когда она, бесконечно счастливая садилась в ту самую белую машину, держа за руку «мою маму». Ее белокурые волосы большими кольцами лежали на плечах и «мама» нежно дотрагивалась до них. Светка повернулась к окнам детского дома и помахала нам на прощанье.

В тот день я с сумасшедшей скоростью залетела в ванную и упала на стылый кафельный пол. Я плакала так, как никогда еще в своей сумбурной детской жизни. Я плакала от бессилой злобы на то, что не такая красивая и не такая умная, как Светка. И что «моя мама», теперь уходит, бросив меня, оставив здесь, в таком ненавидим мною мире. Я пролежала на этом холодном полу очень долго, наверное, даже уснула, потому что когда пришла в себя, на дворе была уже густая непроглядная летняя ночь. Никто даже не вспомнил обо мне.

И тогда, медленно поднявшись и потирая свое затекшее детское тело, я осторожно подошла к большому тусклому зеркалу, которое неровно отсвечивало темное бездонное небо, заглянувшее невзначай ко мне в окно. Я посмотрела на свое отражение и заплакала. Во мне действительно не было ничего, что могло бы задержать на себе взгляд. Простые черты лица, тонкие соломенные волосы и круглые, как у вороны тусклые глаза. И тогда своим детским неформившимся умом я подумала, что обязательно должна стать красивой. Потрясающе красивой, чтобы все проходившие мимо смотрели на меня и не могли отвести глаз. И чтобы «моя мама» поняла, как сильно она в тот день ошиблась. Тогда мне было 9 лет.

И я стала красивой. Так неожиданно и непредсказуемо. В 16 лет я стала действительно красивой. Мои соломенные волосы приняли светло каштановый цвет и упали мне на спину ровными блестящими кольцами. Мои бледного неопределенного цвета глаза, засветились ярким поглощающим зеленым огнем и остро прорезались в стороны, губы обрели очаровательную припухлость, а тело неожиданно изогнулось приняв четкие идеальные формы. Тогда моя детская мечта сбылась. В 18 лет я вышла из детского дома, окончив профессиональное техническое училище по специальности – секретарь. Я помню свою первую комнату в общежитии,

маленькую, с кое-где отставшими обоями, но мою. Я помню, как впервые шла по залитой весенним солнцем улице и с восторгом чувствовала, как все останавливают на мне свои взгляды. Как мужчины поворачивают головы, не смотря на мой бедный наряд, и мне было несказанно хорошо. В те по-летнему жаркие дни я знала, что передо мной открывается целый мир. И в этом мире я обязательно найду для себя место.

Еще в детском доме я серьезно увлеклась фотографией. Я читала все книги на эту тему, собранные сначала в нашей скудной потрепанной детдомовской библиотеке, а после уже и во всех библиотеках города. Фотографии притягивали меня, словно бы позволяя отделиться от окружающего мира и уйти в свой собственный, никому не понятный. Создать в реальности то, о чем я мечтала, чего втайне ото всех желала. Я рисовала этими фотографиями ту жизнь, которой пока у меня не было.

Когда наконец ушла из приюта, решила пойти на курсы фотографии. Днем я зарабатывала деньги на небольшом государственном производстве подшипников для автомобилей, а вечером просиживала на курсах. С трех зарплат смогла скопить деньги на свой первый дешевенький фотоаппарат, и начала делать первое в своей жизни портфолио. Так пролетели еще два года. А потом меня неожиданно, после первого собеседования взяли в фирму, которая специализировалась на проведении свадебных торжеств. С тех пор началась совсем другая глава моей жизни.

Глава 3.

Тогда, спустя 3 года после того, как я покинула детский дом, в моей жизни появился Андрей. Это произошло на одной из многочисленных свадеб, которые я фотографировала. Он был один, из приглашенных гостей. Просто подошел и задал какой-то вопрос, который даже не отпечатался в моей памяти. Свадьба слилась в один сплошной калейдоскоп и я даже не успела опомниться, как стояла поздней ночью на набережной, кутаясь в его пиджак и смеялась его шуткам. Очень быстро Андрей стал частью моей жизни. Мы были разными, совсем не похожими друг на друга, но иногда это и сближало нас сильнее, чем любое родство душ. Может быть дело было в том, что моя мятежная душа, истосковавшаяся по любви, тянулась к нему. Мы сняли вместе с ним квартиру и стали жить вдвоем.

Все начало медленно меняться примерно через год. Когда однажды мои работы заметил один ценитель искусства и предложил продемонстрировать несколько моих работ на небольшой выставке начинающих художников. Он считал, что мои фотографии несут нечто особенное, что – то позволяющее взглянуть на мир под другим углом.

И мои работы имели успех. Тогда я получила свой первый гонорар за проданные фотографии. С тех моя жизнь стала неуклонно, но стремительно меняться. По крайней мере, тогда мне так казалось. С Андреем мы были вместе уже достаточно долго. И наши отношения стали чем-то обыденным. Я никогда не задумывалась над тем, любила ли я его на самом деле, просто он был нужен мне как воздух, чтобы понимать, что я живу. Но все менялось вокруг меня. Моя карьера шла вверх, выставки сменяли одна другую. Мой агент, часто говорил мне, что внутри меня, огромная сила, которая показывает миру то, чего раньше он никогда не видел и не чувствовал. Я и сама это понимала. Иногда мне казалось, что во мне живет такая нерастратченная любовь, нежность и теплота, что ее хватило бы на то, чтобы укутать всех, кому чего-то не доставало в жизни. А Андрей все отдалялся. Спустя некоторое время я и не знала, что так неудержимо связало нас. Когда –то в одном романе я прочитала о том, что люди, любящие друг друга с годами становятся ближе и роднее. Вопреки этому между мной и Андреем стремительно разрасталась пропасть. С каждым днем она становилась все более зияющей и зловещей. Почему? Я не понимала. Или просто старалась не думать. Оставив свои жалкие попытки поправить ситуацию или попробовать разобраться в ней, я махнула на все рукой и ушла в работу. И если глубоко внутри я понимала, что делаю этим только хуже, Андрею я этого никогда не говорила.

Я думаю, он тоже понимал. Но то ли не мог, то ли просто не хотел, что-то делать. Он говорил, что я сумасшедшая, что нельзя так любить работу. Но тогда я не представляла, как объяснить ему, что, то, чего я не понимала, все еще давит на меня изнутри. Так и жили...

До сегодняшнего рокового дня. Теперь все изменилось. Я никогда не смогу больше обнять его и сказать, что же медленно убивало меня изнутри. Отчего я бежала в своих снимках, о чем мечтала, что хотела сказать окружающим.

Забавно, но пару дней назад я сняла постановочную фотографию, на которой, нанятая мною модель осторожно, в длинном развивающемся платье входит в глубокое синее озеро. Она вот-вот должна погибнуть. И в ее глазах тоска. Почему? Андрей никогда не воспринимал меня такой, какая я была все это время.

И я все вижу и вижу свою жизнь. Я заново вижу каждую пролитую свою слезинку, каждую свою улыбку, каждую бессонную ночь. Так странно, когда ты смотришь на себя со стороны. Когда ты заново видишь моменты, в которых ты что – то недоделал, что-то не досказал. И все это так живо, так реально. И снова хочется попросить прощения у тех, кого обидел, поблагодарить тех, кого не успел. Но ты не можешь. И так ты сидишь целую вечность, теряя счет времени, исчезнув из реальности...

А твоя жизнь просачивается в каждую клеточку твоего разбитого тела, нет сил пошевелиться, нет сил закрыть глаза. Ты просто заново плачешь, смеешься, так же беззаботно, как в детстве. Переживаешь за свои неприятности. И так день за днем, год за годом... Снова...

Я поднимаю голову и смотрю вокруг. По щекам бегут непрошеные слезы: «Ну, почему все так? Почему же, Господи, я должна уйти. Уйти, ничего не поняв, ничего не почувствовав. Все так быстро, все так неосознанно. Почему?»

– Наверное, – раздался в тишине уже знакомый голос, – потому что, так надо. Потому что однажды приходит наше время.

Я медленно подняла голову и с тоской посмотрела на кресло:

– Граф, Стейтон, – неожиданно для себя я усмехнулась, – добро пожаловать, раз уж вы здесь.

Лоран внимательным взглядом окидывает мою комнату.

– У вас, Кристиночка, талант, прямо скажу. Много я насмотрелся за свою дооолгую жизнь.

– Спасибо, – отвечаю я, – сейчас бы выпить чего–нибудь.

– Это, всегда, пожалуйста, – с улыбкой отвечает мне он, – я, знаете ли, Кристина, не равнодушен к хорошему алкоголю. У него в руках совсем неожиданно появляется фляжка и он осторожно, передает ее мне.

Я судорожно выхватываю ее из его рук и прислоняю к губам. В рот мне заливается теплая обжигающая жидкость, и знакомый вкус наполняет меня изнутри.

– Не знала, что на том свете, пьют коньяк – усмехнулась я.

– Знаете, Кристиночка, как вы выражаетесь, на «том свете» пьют еще и не то... Я, например, пью и люблю только водку. Но что –то мне подсказывает, что вы откажетесь.

– Наверное, откажусь, – отвечаю я. – хотя, я и коньяк пью очень редко.

Граф молниеносным движением поднимается и смотрит на меня:

– Пора, Кристина, уже давно нам с тобой пора...

– Послушайте, Лоран, я не могу уйти, здесь остались люди, которых я не должна оставлять.

– Детка, а ты уверена, что они остались? – он смотрит на меня с неподдельной отцовской тоской. – ТЫ УВЕРЕНА?

Я решительно выступаю вперед. Кем бы он ни был, чего бы он не повидал, я никогда не позволю ему вмешиваться в мою жизнь и так безжалостно вытаскивать из моей измученной души, самые больные мои страхи.

– Да, я уверена,

– Тогда, – четко чеканя каждое слово, говорит мне он, – пойдем со мной, я покажу.....

Я даю ему руку.....

Мы где-то, в до боли знакомом месте. Вот шкаф, даже в темноте я знаю, что он серо-голубого цвета, два шага вправо, здесь коридор, он ведет в спальню. Лоран рядом, Я слышу его шаги. Он со мной, но для чего? Он хочет мне что-то показать. Я ступаю по мягкому ковровину коридора, я чувствую, что это место мне так знакомо. Шаг, шаг, и вот спальня. В комнате горит свет. Здесь темно – коричневая мебель, я знаю, ее, здесь бордово – красные шторы, я так часто пододвигала их от окна. Странное горькое чувство обреченности отчего-то начинает прокрадываться в душу. Мне кажется, что я могу реально почувствовать его вкус. Подхожу к большой, утопленной в полу кровати. Не хочу подходить, но ноги против воли сами несут меня туда. Вижу две фигуры, лежащие рядом. Я ведь точно здесь была..... но, что это за место.... Я не знаю. Фигуры, обнявшись, лежат на кровати. Неожиданно откидывается одеяло. Я замираю в дверном проеме, ко мне уверенной походкой идет Андрей... Мой Андрей... Его волосы сейчас растрепались, его шаг не твердый, но это он.. Он смотрит сквозь меня и.... проходит мимо... Я ничего не понимаю... Смотрю на него, просто смотрю... как он проходит.. Решительно приближаюсь к кровати и окидываю взглядом девушку, которая лежала минуту назад рядом с ним: – моя подруга Катя, – человек, который был близок мне, как никто. Она потягивается, откидывает одеяло...

– Малыш, ты уходишь? – так рано? Твоя Кристина еще, все равно на работе, вернется не скоро, куда торопиться?...

Я смотрю в ее лицо, как же так? Она же моя подруга!!! Смотрю на ее тело! Я же красивее!!! Красивее и лучше ее. Как же ? Как они могут так бесчеловечно поступать со мной? Я же им доверяла, я же любила их.

Катя – человек, которого я столько лет считала родным. Сестрой, которой у меня никогда не было. Она же всегда была рядом, успокаивала, когда я плакала, подбадривала, когда мне было тяжело. Она-то и заставила меня участвовать тогда в моей первой выставке. Как же так может быть???

Катя и Андрей. Всегда подчеркнута вежливые и немного холодноватые друг с другом. Как?

Ноги неожиданно становятся ватными, колени подгибаются и я, мешком, падаю на пол. Мою грудь разрывают сдавленные рыдания. Нестерпимая боль обнимает мое уставшее, разбитое тело. Все, ради чего я жила, пошло прахом. Все мои надежды, мои мечты. Люди, которым я доверяла, как себе, так жестоко меня предали! За что же мне все это? За что?

– Лучше не думать об этом, Кристина, – снова, читая мои мысли, шепчет Лоран.– А с другой стороны, может быть оно и к лучшему. Вот когда остаются люди, которые действительно любят, представляешь, как тогда тяжело уходить?

– Как же так? – голос сорван, сил нет – Как же так жестоко! Ведь Катя была со мной рядом с самого детского дома. Она – мой друг. Единственный друг.

Меня затапливает злость, хочется что-то сделать. Чтобы им было больно. Как мне...

Я вскакиваю, подбегаю к столику в коридоре, пытаюсь сдернуть его с места, но мои руки, как сквозь масло, проходят через него.

– Нет, нет, зачем так жестоко!!! – слезы застилают глаза.

Он подходит и обнимает меня за плечи. Он вытирает мои слезы и поправляет волосы.

– Нам пора, девочка, теперь уже точно пора, ты готова?

И вдруг странный лед сковывает душу, я больше ничего не в состоянии чувствовать. Словно бы все внутри меня в одночасье умерло. Как мое тело.

– Да, наверное, готова, – отвечаю я ему, – нам уже действительно нужно идти.

Лоран дотрагивается теплой рукой до моего лба. Мне неудержимо хочется спать, все пережитое мгновенно становится невесомым и неважным. Сейчас я чувствую только усталость. Моя голова доверчиво склоняется ему на плечо.

Мы быстро отрываемся от пола и вылетаем в окно, оставляя там, на ненужной мне больше земле, все, что я всегда считала дорогим и очень важным. Прощайте, все – только и успеваю подумать я, – прощайте....

А потом я снова погружаюсь в спасительную и теплую пустоту, и снова моя жизнь, от которой так хочется спрятаться, укрыться. От которой так тяжело, она заставляет меня снова и снова окунаться в нее с головой. И я все дальше от реальности, но оно, наверное, к лучшему....

Глава 4.

Я медленно, словно после долгого сна, прихожу в себя. Глаза нехотя открываются. Рядом по-прежнему Лоран. Я чувствую его плечо. Поднимаю голову и осматриваюсь. Кругом снег, настоящий белый и такой пушистый. Я никогда за всю свою жизнь не видела такого красивого снега. Большие неровные хлопья напоминают странных экзотических бабочек, которые никуда не торопясь свободно парят в почти осязаемом воздухе.

Мы едем на небольших санях, увешанных шкурами. Впереди, выбивая из-под копыт комья земли, чеканя шаг, рысью бегут два черных корня. Лоран одной рукой легко держит вожжи, а другой по – отцовски обнимает меня. Мы несемся по ночному заснеженному городу, по широкой аллее. По обе стороны от нас желтым светом горят зажженные на ночь газовые фонари, отбрасывая четкие угловатые силуэты на дорогу, создавая свой призрачный и никем не разгаданный театр теней. Домов за аллеей почти не видно, они где-то там, в непроглядном сером тумане, но они точно есть. Сначала я пыталась рассмотреть их, но потом оставила эти бесполезные попытки. Сказочный город, который описывали в своих произведениях многие писатели. Здесь безлюдно, совсем безлюдно и так тихо. Но эта тишина не пугает, скорее наоборот, успокаивает, дает время и силы подумать над тем, что произошло.

«Вот, наверное, какой он, вечный покой», – сонно думаю я.

Я поворачиваю голову к своему спутнику:

– Лоран, а скажите, где мы? Что это: рай, ад?

Граф небрежно кидает вожжи на колени, и лошади, словно хорошо зная дорогу, все той же рысью бегут по аллее. Он достает сигару и закуривает:

– Это сложно объяснить, детка, но ты поймешь, ты же – умница. После того, как мы ...переходим в мир иной, как у вас там говорят. Мы не попадаем сразу в рай или ад, хотя они существуют. Может быть несколько не так, как пишут в книгах. Ну, например, рай. В раю не сидят на пушистых облаках в белых одеждах и не играют на арфе. Это такой же мир, только, наверное, в сотни раз красивее. Там, в этом мире нет лжи, нет зла, там у каждого есть свой маленький кусочек, где он может побыть один и надо многим подумать. Это – то место, где душа каждого, туда попавшего, может отдохнуть и залечить раны, полученные на земле. Там не встретишь равнодушия или непонимания. Все живущие там, обретают покой. Мы все становимся его частицами, его неотъемлемой частью. Мы купаемся в Свете, он делает нас счастливыми. Отсюда и появляется наш рай.

– И вы живете там?

– Да, Кристина, я живу там. У меня там свой маленький мир. Уже очень давно со мной те люди, которые были мне дороги на земле. – Лоран задумчиво улыбается. – Там в моем доме на берегу теплого круглого озера, всегда горят свечи, там, в полутемной гостиной лежат мягкие красные ковры, по ним часто бегает моя дочка. Там, на третьем этаже, у меня есть

свой маленький кабинет, окна которого выходят на острые заснеженные вершины гор. А еще там есть большой стол из красного дерева и любимое мое кресло. Этот стол завален книгами, моими рукописями. И часто по вечерам, когда я пишу что-то при свете свеч, моя жена тихо подходит ко мне, ставит на стол чашку горячего ароматного кофе, садиться на большую старую софу, и мы молчим. Просто смотрим в пустоту и молчим. И это счастье!!! У каждого там оно свое. Но мы также можем встречаться с другими людьми, если захотим.

– А где же Бог? Ты видел его?

– Его мало, кто видел, но он точно есть. Он где-то высоко, высоко в небе. Он любовь, которая наполняет нас, он покой, которым мы дышим. Он есть, и все мы его дети. Пусть иногда и непослушные, но все же – его. И он готов простить и принять многих, действительно раскаявшихся в своих грехах... многих... но всех.

Я осторожно поднимаю на него глаза и в душу цепко начинает пробираться страх. Выражение лица Лорана утрачивает мечтательность:

– Есть еще ад, Кристина. Туда попадают значительно реже, но все же, он есть.

– Что там? – с дрожью в голосе спрашиваю я.

– Там нет геенны огненной, здесь тоже все несколько преувеличено. Но там страшно. Как ты думаешь, что будет, если собрать в одном месте всех великих грешников: воров, убийц, лжецов? Людей, которые никогда не раскаются в содеянном. И они снова и снова будут переживать свою жизнь. Самоубийцы – умирать, убийцы – убивать, воры – воровать. И однажды они захотят остановиться. Захотят, но не смогут. Они обречены на вечные муки, на вечную боль. Это и есть ад, девочка. Люди живут там также, каждый в своем мире, она сталкиваются друг с другом, но не обращают никакого внимания на то, что их окружает. Город, в котором они живут, чем-то похож на этот, но говорят там на много страшнее.

– Скажите, Лоран, а что, оттуда никогда нельзя вернуться, ну, скажем, исправить свои грехи?

– Ну, почему, – продолжил Лоран, – некоторым дается второй шанс, они могут снова вернуться на Землю и постараться замолить те грехи, которые совершили в своей прошлой жизни, но сделать это очень трудно. И далеко не всем, вообще, такой шанс выпадает. Самоубийцы – самые страшные грешники, для них пути назад нет.

– Почему? – спрашиваю я.

– Однажды, в своей первой жизни они уже опустили руки и отказались бороться, тогда для чего давать им второй шанс? Наши миры добра и зла четко разграничены, и нам не позволено проникать в них, но мы все же, стараемся спасти те души, которым еще возможно помочь. Ад – это страшное место. Я никогда раньше там не был, и надеюсь, не придется. Одно я знаю точно, Кристина, для тех, кто однажды пришел в ад, пути назад нет ни для кого.

– Пути назад? О чем вы говорите, – почти усмехнулась я, – скажите, неужели во всем мире может сыскаться хоть один человек, который добровольно пойдет в ад?

– Ой, Кристина. Ты еще так молода и так мало видела в жизни. Перипетии человеческих судеб иногда оказываются настолько сложными и запутанными. Иногда происходит то, о чем и подумать – то страшно или сложно. Поэтому я вынужден тебя предупредить об этом.

– Ворота в ад надежно охраняются слугами Люцифера – демонами и бекасами.

– Кто они? – заморожено спрашиваю я.

– Отвратительные создания. Полудемоны, когда-то они тоже были людьми, но совершили столько зла, что попав в ад, приняли мерзкое обличье, которое всегда было у их души. Они преданнейшие слуги сатаны, его цепные псы, питающиеся падалью и готовые разорвать любого по приказу своего хозяина.

– А вы видели дьявола? – шепотом спрашиваю я.

– Довелось, но это не должно тебя беспокоить, детка. По-моему для тебя и так слишком много на сегодня информации.

Во рту у меня пересыхает, руки холодеют и дрожат. Сейчас ведь я точно не в раю. Но Лоран снова тепло мне улыбается и кладет руку на плечо.

– Не бойся, Кристиночка, ты не в аду. Но и не в раю. Сейчас мы с тобой в некоем промежуточном мире. В Коллекторе. Сюда попадают все, после перехода. Здесь ты должна будешь прожить некоторое время, пока Совет будет принимать решение.

– Решение?

– да, так уж заведено. Жизнь каждого человека относительно долгая и в ней есть место всему: добрым и честным поступкам, злодеяниям и раскаянию. И Совет должен посмотреть, чего же в ней было все-таки больше. Здесь очень опасно, не смотря на мнимое спокойствие. Ведь тут обитают представители всех миров: ангелы, демоны. Мы можем совершенно спокойно посещать Коллектор в любое время. Еще давно мы решили не вмешиваться в дела Совета, мы не перетягиваем на свою сторону прибывших, но ты должна быть осторожной. Здесь возможно все.

– Как долго я буду здесь?

– Время в нашем мире течет совсем по- другому. Когда в твоём распоряжении вечность, что тогда для тебя минута? Но за тобой обязательно придут, Кристина. Ты поймешь, когда этот момент настанет.

– Я еще увижу вас, Лоран? – тихо спрашиваю я.

– У меня, конечно, много работы, но я как-нибудь загляну к тебе на чашечку кофе. Непременно.

– А почему вы занимаетесь этим?

– Ты знаешь, здесь у каждого есть своя работа, моя вот такая.

– А за людьми всегда приходят из рая?

– Нет, здесь есть служители и из другого мира. Кому как повезет, это жребий.

– Значит, мне повезло, – с искренностью в голосе произношу я. Я и сама не поняла, как прониклась к этому высокому импозантному мужчине теплотой и нежностью.

Я помолчала:

– Лоран, скажите. А если человек попадает в рай, он может вернуться на Землю?

– Да, для душ из Света преград нет. Но всегда нужно помнить о том, что приходя на Землю, мы можем совершить много ошибок, которых нам удалось избежать. И обратно можно вернуться уже совсем не в рай.

– После возвращения на землю человек ничего не помнит из своей прежней жизни?

– Нет. Все начинается снова.

– Тогда зачем возвращаться? Зачем испытывать судьбу? Ведь иногда обстоятельства могут сложиться таким образом, что не останется выбора. Разве не проще оставаться здесь? Не могу разобраться, в чем смысл всего этого?

– Понимаешь, Кристина. Если душа человека истинно чиста, то это неважно. Если человек обладает истинной верой в своего создателя и добро, то он найдет правильный путь. Мы должны возвращаться, ведь ОН должен быть уверен в нашей вере.

– Но... – я не смогла договорить. Даже и хорошо, что Лоран перебил меня.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, Кристина. О нем и о себе. Ты ведь нечасто ходила в церковь. Нечасто возносила ему молитвы или благодарила за что-то. Даже тогда, когда ты еще жила в детском доме, иногда по ночам ты смотрела на небо и думала, почему же так произошло с тобой? Почему ребенку, которому так нужна была любовь, этой любви совсем не досталось? А потом однажды, ты пришла к выводу, что он был неправ, и закрыла свое сердце для него... Не бойся Кристина. Мы всего лишь люди. Мы много не способны понять и принять. Но он мудр. Нам никогда и на сотую долю не набрать его всепрощения и доброты. Хочу, чтобы ты знала. Он не держит на тебя за то зла. А еще, все это было неспроста. Когда-нибудь ты поймешь, что

для того, чтобы набраться добросердечия и понимания, иногда нужно самому пройти через горести.

Я сильнее закуталась в шкуры.

Неожиданно сани резко затормозили. Я и не заметила, как аллею давно сменили узкие улочками с маленькими трехэтажными домиками в европейском стиле 18 века. Мы стояли напротив освещенного подъезда одного из домов.

– Вот это пока, твой дом, – раздался над самым ухом глубокий голос Лорана. – Располагайся и отдыхай, можешь гулять и любоваться окрестностями, только я повторюсь, осторожнее.

– Спасибо, – отвечаю я ему, – я вам очень благодарна за все, что вы сделали для меня.

– Не за что, девочка... Ну мне пора, я тоже порядком устал сегодня.

Он берет вожжи и лошади, словно почуяв это, резко трогаются с места. Через минуту цокот копыт замирает где-то вдаль. Я поднимаю голову вверх и смотрю на окна дома. Везде темно. Город мирно спит. Странно! Подумала я, все совсем не так, как представлялось мне раньше». Я подставляю ладошку, и в нее не спеша падает снежинка. Падает и тут же тает. Все так, как и в моем мире!

Я чувствую, как мне снова становится прохладно. Я поворачиваюсь и вхожу в тускло освещенный свечами коридор. Передо мной широкая деревянная лестница, ведущая наверх. Я неуверенно поднимаюсь. Вот второй этаж, коричневые деревянные полы, всюду горшки с цветами и множество дверей. Я подхожу к первой. На ней тусклая табличка, с чьей-то фамилией. Иду дальше. В самом конце коридора еще одна деревянная дверь. На ней моя фамилия. Я машинально запускаю руку в карман и достаю большой железный ключ, вставляю его в замочную скважину и поворачиваю. Дверь со скрипом открывается.

Я вижу свой новый дом. Передо мной гостиная, кругом свечи в канделябрах, на стенах светлые цветастые обои, тяжелый комод, большой мягкий диван, широкий выложенный из красного кирпича камин. Я осторожно ступаю в соседнюю комнату. Это спальня. Большая кровать с балдахином занимает почти все ее пространство. Еще одна маленькая дверь – ванная комната. В круглой белоснежной ванне уже налита вода. Ни о чем не думая, скидываю с себя одежду и быстро погружаюсь в теплую, пахнущую жасмином жидкость. Я с трудом вспоминаю, как вышла из ванны, нашла на кровати пижаму, переоделась и буквально рухнула на постель. Сегодня и вправду был трудный день. Я очень устала.....

Глава 5.

Не знаю точно, сколько проспала. Но когда я открыла глаза солнце, зимнее и скупое медленно катилось за горизонт. В первую секунду я не могла понять, где нахожусь.

Незнакомая маленькая уютная спальня, сверху на меня стелется нежно голубой балдахин кровати. Но потом реальность, страшная и беспощадная волной накрыла меня с головой. Я же... Умерла. Да, вчера вечером я разбилась по дороге домой на своей машине. Господи, мой Андрей, моя подруга. Их предательство! Как же страшно!

Но паника, как ни странно, быстро прошла. Отступила перед чем – то неизбежным и уже свершившимся. Я резко встала с кровати и подбежала к окну. Схватила за тяжелую оконную раму и, что есть силы, потянула ее на себя. В лицо мне моментально ударил поток маленьких рисовых снежинок, а моя комната вдруг ожила, наполняясь звуками, доносившимися с улицы.

Во все глаза, убирая с лица растрепанные пряди волос, я заморожено смотрела на улицу. За окном кипела жизнь, такая же, как в обычном городе. Только, наверное, лет двести назад. По узким улочкам сновали туда – сюда многочисленные сани, запряженные норовистыми лошадьми, которые отбивали четкий шаг по заснеженным бульжникам мостовых. По тротуару неспешно прогуливались люди, в старинных нарядах века, наверное, 18. Они о чем-то разговаривали, многие даже смеялись, торопились куда-то, здоровались друг с другом, мужчины галантно подавали руку женщинам, переходившим улицу.

Поразительно. Этот самый настоящий город – призрак, доживал свой очередной день, как обычный любой другой город. Я прикрыла окно и стремительно побежала в ванную. Через пятнадцать минут, одетая в странное длинное фиолетовое платье, с большим турнюром и многочисленными оборками, которое нашла в большом платяном шкафу, я стояла на пороге своей квартиры. Едва закрыв дверь, и на ходу, одевая шляпу и шаль, я мчалась вниз по ступенькам. Через минуту я зажмурилась от яркого вечернего солнца, в котором купался город. Немного постояв и посмотрев по сторонам, я неуверенно двинулась по улице.

Как странно! Как странно все вокруг. Сколько же здесь людей. И все они куда-то идут. Они все разные: черные, белые, китайцы. Они все одеты в эту нелепую одежду. Одни стоят группами и переговариваются между собой, другие, так же как и я с интересом оглядываются по сторонам. «Наверное, тоже здесь недавно», подумала я. И, рассматривая строения побрела вдоль улицы. Я миновала большое количество зданий, построенных в одном четко выдержанном стиле. Постоянно поднимая голову вверх, я пыталась заглянуть в высокие створчатые окна, не понимая, как такое вообще может быть. Невообразимо. Нереально, невозможно. В какие-то мгновения, мне начинало казаться, что все это один сплошной сон. Что, вот, через минуту, я открою глаза и снова окажусь дома. Но улочки петляли, уносясь вглубь города, а сон и не думал заканчиваться.

Я, наверное, очень сильно задумалась и перестала замечать что-либо, потому что резко завернула за угол и со всего размаху налетела на что-то.

– Осторожнее, – послышался недовольный возглас на французском языке.

– Извините, – машинально промолвила я, неожиданно удивившись тому, как вдруг быстро начала понимать французский.

Я подняла голову. Передо мной стояла невысокая девушка, с огненно рыжими волосами, собранными под очаровательную маленькую шляпку, и мило улыбалась.

– Да, сама, виновата, засмотрелась на вон ту красивую лошадь и не заметила тебя.

Она протянула мне руку:

– Жюстин, – очень приятно.

– Кристина, – ответила я, – взаимно!

Мне было очень приятно, что кто-то заговорил со мной. Потому что к чувству ужаса от всего происходящего, еще остро начинало примешиваться одиночество.

– Ты, наверное, тут недавно, – залепетала моя новая знакомая, – у тебя такой растерянный вид.

– Да, – немного помолчав, ответила я, – при... приехала вчера ночью.

– Я так и поняла, улыбнулась мне девушка, ты знаешь, я как раз шла выпить кофе. Пойдем вместе, вдвоем веселее!

Она, не дав мне опомниться, подхватила меня под руку и повела вдоль улицы. В ту секунду я поняла, что действительно очень проголодалась и послушно пошла вслед за ней. Мы миновали два переулка, и вышли на небольшую круглую площадь, где через каждый метр, стояли различные кафе и магазины с яркими вывесками. Когда-то, снимая постановочные фотографии, я часто просматривала журналы и каталоги с различными видами и пейзажами, и однажды увидела точную копию улочки, на которой сейчас стояла. Только конечная улица на картинке была значительно современнее той, что я сейчас видела.

– Жюстин, это же... Париж. Только века, наверное, 19.

– 18, если быть точными. Да, иногда у меня складывается такое ощущение, что никуда собственно и не исчезала из дома.

– Да, уж – усмехнулась я, – всегда мечтала увидеть Париж, но никогда даже и представить себе не могла, что увижу его именно так.

– Видимо, там наверху, тоже очарованы этим городом, раз решили воссоздать Коллектор именно таким. – Жюстин засмеялась, – ты знаешь, сейчас эта площадь не столь мила. Вот

на этом месте стоит ресторан отвратительного дизайна, который, по-моему мнению, ужасно портит вид этого чудного места...

Болтая о красотах вечного города любви, мы подошли в стеклянной двери небольшого здания, на котором красовалась вывеска «Café». На пороге кафе я замерла:

– Ты знаешь, Жюстин, я не могу туда зайти, у меня совсем нет денег.

Девушка засмеялась тонким серебристым смехом:

– Прекрати, мы же не на земле. Здесь деньги не нужны.

Она потянула меня вовнутрь. Мы прошли в полутемное помещение кафе. Здесь было так уютно, мы устроились в мягких коричневых креслах у окна. На небольшом круглом столике, накрытом белой льняной скатертью, стояла овальной формы прозрачная ваза, в которой красовался небольшой букетик фиалок. Здесь было совсем немного посетителей. Прямо из – под земли неожиданно возник официант и, молча, протянул нам меню. Мы заказали кофе и пирожные, и он также неожиданно исчез.

– Ну, не буду мучить тебя расспросами, – заговорила Жюстин, – здесь у каждого из нас есть своя история, которую не хочется рассказывать, поэтому у тебя, наверное, куча вопросов. Задавай.

Сначала я немного растерялась, но потом, после того как официант, все такой же безмолвный принес нам заказ, и после того как горячий кофе пустил струйку ароматного дымка в воздух, я наконец спросила:

– Почему я понимаю тебя. Я ведь никогда не учила французский?

– Знаешь, здесь стираются все грани. Здесь язык один для всех. Как – будто бы библейского Вавилона никогда и не существовало.

– Ты знаешь, человек, который проводил меня сюда, сказал, что здесь живут все. Ну, все, кто потом пойдут в рай или в ад.

– Не только – отозвалась Жюстин, – еще здесь постоянно находятся ангелы, демоны. Они такие же, как мы. Также ходят по улицам, так же разговаривают с прохожими, и отличить их от обычных людей довольно сложно.

– А ты давно здесь? – спросила я.

– Наверное, пару месяцев уже..

– Но я не думала, что это так долго.

– Долго, – засмеялась Жюстин, – у тебя вечность впереди, а ты переживаешь из-за двух месяцев.

– А чем ты занимаешься здесь?

– Тем же чем и все. Гуляю, читаю книги, хожу в театр. – ответила мне она, – о, театр. Я совсем забыла. Завтра состоится премьера нового спектакля. И я хочу, чтобы ты тоже туда пошла. Там непременно будет почти весь город. Тебе обязательно понравится, обещаю. Пора немного приобщаться к культурной жизни.

– Да, конечно, – машинально ответила я – Все так странно. Люди живут, потом умирают. Попадают в другой мир, теряют близких. И ходят в театр. Поразительно.

– Человек может выдержать гораздо больше, чем представляет себе. Ты это обязательно поймешь. Когда однажды просто потеряешь способность удивляться. Лично мне кажется, что после того, как я пережила самое страшное – смерть. Пугаться или удивляться стало просто глупо.

– Наверное, ты права..

Звук открывающейся двери кафе друг привлек меня. Я оглянулась и заметила, что в зале появились два человека. В первое мгновение хотела снова перевести взгляд на Жюстин, но почему-то не смогла. Вместо этого лишь пристальней начала разглядывать вошедших. Первый был невысокого роста, крепко сложенный, в преклонном возрасте. Его лицо было испещрено

морщинами, седые волосы собраны в хвост. От него веяло чем-то странным, холодком. По коже моментально побежали мурашки. Глаза скрывали темные очки.

Я перевела взгляд на его спутника и замерла. Он был значительно выше первого мужчины, в таком же черном пальто. Оно плотно обтягивало его широкие мускулистые плечи, выдавая стальной накаченный торс. А его лицо... было лицом ангела. Прекрасные голубые глаза, поразительного глубокого цвета, в них отражалось небо. Я утонула в них моментально. Окончательно. Упала в эту лазурь и потеряла себя в ней.. Прямой нос, полные, слегка припухлые губы, короткие, завивающиеся в мелкие кудряшки волосы, темного пшеничного цвета. Он был настоящий ангел. Я даже не заметила, как моя рука с чашкой кофе замерла на пол пути ко рту.

Какое-то время они постояли у входа, а затем начали уверенно двигаться вглубь зала. Они двигались поразительно легко, с ленивой грацией, которая выдавала огромную силу. Я проводила их взглядом до столика, и вдруг парень резко повернулся в мою сторону. Я только успела почувствовать, что безудержно тону в его глазах. Две-три секунды он в упор смотрел на меня, а затем с поспешностью отвернулся.

– Эй, – раздалось у меня над самым ухом, – ты меня хоть немножко слушаешь. Я тут уже пять минут рассказываю тебе про наш театр, а тебе, похоже, все равно.

– Да, нет, что ты, – начала оправдываться я, заметив, как сильно при этом дрожал мой голос.

– Я так и поняла, – засмеялась девушка, – чего это ты там увидела интересного?

Она начала выглядывать из-за моего плеча.

– Прекрати, – пыталась я сдержать Жюстин, – это не прилично.

Но она меня совсем не слушала. Наконец, она увидела, предмет моего внимания и улыбнулась:

– А, ну теперь понятно, чего это ты перестала меня слушать. Он, правда, очень симпатичный. Я его почему-то раньше никогда не видела здесь. Может быть, тоже новенький.

– Ну, так что ты там говорила про театр, – пытаюсь отвлечь внимание Жюстин, сказала я.

Мы просидели в кафе еще около получаса. И все это время я была как на иголках. Мне очень хотелось еще раз оглянуться на него и снова утонуть в синих омуты его глаз, но я сдерживала себя из последних сил. Наконец, мы встали, взяли свои шляпы и направились к выходу. Возле дверей я все же удержалась и посмотрела назад. Но он даже не поднял на меня голову, увлеченно беседуя со своим спутником. Волна разочарования затопила все мое существо.. Конечно, ругала я себя, пока мы выходили, вот дурочка, размечталась. Совсем с ума сошла, он такой прекрасный, что, наверное, ему уже надоели взгляды девиц, которые верно, шею сворачивают, глядя на него.

Мы с Жюстин еще какое-то время побродили по улицам и, договорившись встретиться завтра, разошлись в разные стороны. Я решительно не могла понять, что со мной происходит. Перед глазами все время стоял образ этого прекрасного ангела, которого я встретила. Пытаясь себя немного успокоить, я внушала себе, что нужно его забыть, что вероятнее всего, я больше никогда я не увижу. Да, даже, если и увижу, то он снова на меня даже не посмотрит. К чему это все тогда? Не знаю.

Занятая своими мыслями, я не заметила, как добрела до своего дома. Вот уже знакомый коридор. Широкая деревянная лестница. И опять пусто, никого. Может быть, все уже спят? Или в этом доме вообще никто не живет?

Я прохожу в свою комнату. Странное новое ощущение то ли невыносимой легкости, то ли жуткого бремени, не покидает меня.

В ту ночь мне снились его глаза. Мне снилось, как мы брели по узкой горной тропинке и он иногда случайно касался меня локтем. Той ночью, впервые за долгое время ко мне пришел покой.

Разбудил меня топот конских ног за окном. Я откинула одеяло и подбежала к окну. Все по – прежнему. Люди прогуливаются неспешно по улицам, едут бесчисленные сани. Только небо затянуло плотными темными облаками. «Прямо как в нашем мире» – подумала я. Все совсем также, как – будто я никуда и не исчезала.

Весь день я пролежала в кровати, читая Виктора Гюго. В моей комнате обнаружилась внушительных размеров полка с книгами. Пытаясь как можно сильнее углубиться в «Отверженных», я словно бы строила стену между собой и своими воспоминаниями, которые все еще причиняли мне боль. Отойти от всего, что было и принять тот новый мир, который теперь должен был стать моим новым домом. Но не выходило. Стоило мне закрыть глаза, как непременно представлялось, что я дома, в своей квартирке. На своем любимом диване, а в ногах у меня, свернувшись калачиком, спит Бакс. Мысли витали где-то далеко, постепенно все значительнее удаляясь от сюжета книги. Вопросы, мучившие меня на протяжении всего дня становились в моей голове все более неразрешимыми. Ошибки, которые я совершила, люди, которых иногда невольно обидела. Все это, словно калейдоскоп крутилось в моей голове.

Я возилась на кровати, не находя себе место, как вдруг неожиданно для себя самой ко мне пришло осознание того, что я больше ничего не смогу изменить или дополнить. Все, что должно было свершиться, уже свершилось. Больше ничего нельзя поправить. И нужно лишь принять и отпустить свое прошлое, которое так давило мне на грудную клетку. Поднять голову и шагнуть вперед. За грань того, что доселе было мне недоступно.

Отложила книгу и, встав с измятой кровати, подошла к окну. Все идет дальше. Идет своим чередом. Жизнь не заканчивается даже после смерти. И нужно принять ее такой, какая она есть.

Быстро наступили прохладные зимние сумерки. Они лиловой пеленой легли на крыши домов. Зажглись фонари. А мой мир, который еще недавно казался мне единственно возможным, впервые, был от меня невыносимо далек.

Я долго возилась со своей прической возле зеркала. Красное платье, с прекрасным турнюром, на котором были причудливо уложены цветы, выгодно обрисовывало мою фигуру. Я придирчиво окинула себя взглядом и осталась довольна. Сегодня я наконец, воочию увижу, как и чем живут здесь люди.

Просторные сани быстро домчали меня до солидного здания из темного камня, которое напоминало замок. Это и был театр города-призрака. Длинные готические пики крыш, будто бы насквозь протыкали хмуровое вечернее небо. Я невольно залюбовалась холодной и сдержанной красотой здания. Возница помог мне выйти из саней, приветливо улыбнулся, сел обратно и моментально исчез за поворотом.

Помедлив секунду – другую, я начала подниматься по ступенькам. Струйки людей, одетых в вечерние платья и фраки отовсюду стекались к театру. Вместе с остальными я вошла в прекрасное фойе. Оно было округлой формы, сплошь отделанное деревом, покрытым позолотой. Прекрасный фонтан, изображающий девушку с кувшином, возвышался ровно в центре. Я почувствовала себя героиней романа. В сказочном платье, в сверкающем помещении среди сотен празднично одетых людей. Дыхание перехватывало.

Повернув голову, я увидела улыбающуюся Жюстин, которая приветливо помахала мне рукой. Я направилась к ней.

– Ну, вот и ты, – залепетала она, – я уже начала беспокоится, кстати, выглядишь просто прелестно. Что так долго?

– Здесь так красиво, – ответила я.

– Конечно! – тут же переключилась Жюстин, – это мое любимое место. Здесь каждый вечер собирается почти половина города. Тут очень весело!

В эту минуту все присутствующие двинулись к большим дверям, ведущим, должно быть, в зал.

– Пошли, – потянула меня за руку девушка, – наши места во второй ложе.

– У нас места в ложе? – удивилась я.

– Да, – засмеялась моя спутница, – нас пригласил генерал Ли, – он мой друг, замечательный человек. Правда, не знаю, с кем мы сегодня будем делить ложу. Надеюсь, это будут приятные люди.

Жюстин впорхнула в ложу и очаровательно улыбнулась невысокому сухонькому мужчине – китайцу, который галантно протянул ей руку и в этот момент увидел меня:

– Добрый вечер, Жюстин, – залепетал он по-китайски, – вы, как всегда очаровательны...

А кто это с вами? Вы обещали нас познакомить.

– Это моя подруга, Кристина, – прощепетала она, – Кристина – это генерал Ли, познакомьтесь.

Генерал нежно поцеловал мою руку и помог присесть во втором ряду ложи. Спустя пару минут гомон голосов начал стихать, задрожал приглушаемый свет свечей и, наконец, занавес открылся. Я не сразу заметила, что в ложу кто-то вошел. Через мгновение, в кресло рядом со мной сели. Я машинально повернула голову и замерла.

Рядом со мной сидел он. Мой ангел, самый красивый мужчина в мире. Я разучилась дышать. Пытаясь сквозь ресницы посмотреть на него, я неловко повернула голову и в этот момент выронила свой кружевной красный веер. Проклиная свою несобранность, я наклонилась за веером. И он тоже. На какую-то долю секунды наши глаза встретились и я обомлела. Моя рука нащупала веер, я схватила его и неожиданно для себя коснулась его руки. Она была твердой и холодной. Он резко отдернул руку, словно боясь испачкаться, и выпрямился. Он больше не смотрел на меня. «Да, что это со мной происходит, – ругала я себя, – совсем с ума сошла, перестала соображать. Подумаешь, симпатичный парень, да я их видела сотни. Просто, наверное, в связи с последними событиями, я стала очень остро все чувствовать». До конца первого акта я досидела как во сне. Я даже и не пыталась понять, о чем спектакль, хотя, судя по тому, как усиленно все аплодировали, он явно удался. Меня словно пронизывали тысячи игл, только от того, что я чувствовала его присутствие рядом.

Наконец, занавес упал и зажегся свет. Только тогда я позволила себе неуверенно посмотреть в его сторону. Он был прекрасен, в своей черной паре, в отличие от большинства мужчин, одетых во фрак. Черная рубашка была расстегнута на две пуговицы сверху. Я уже набралась храбрости посмотреть ему в лицо, как вдруг увидела, тонкая девичья рука с огромным кольцом на пальце, обвила его локоть. Он не смотрел на меня, он смотрел на нее. Она была прекрасна.

Прекрасна, своей демонической броской красотой. Высокая и гибкая, как лань, утянутая в тугий корсет. Ее черные волосы отливали синевой, опускаясь до пояса, и были перехвачены ниткой с изумрудами. Ее глаза походили на самую непроглядную ночь, которая бывает только зимой. Она была восхитительна. Ее черные изящные брови были слегка приподняты, когда она смотрела на него.

– Себастиан, – промурлыкала она, я должна подойти и поздороваться, – раз не хочешь, я присоединюсь к тебе позже.

Она отпустила его руку и невесомой легкой походкой вышла из ложи. Следом за ней пошел и он, и только за секунду до того, как выйти он посмотрел на меня. Что читалось в его взгляде? Я не знаю. У меня снова перехватило дыхание. Он вышел.

Сказав, Жюстине и генералу Ли, что хочу подышать воздухом, я в одном платье выскочила на улицу. Мне моментально стало холодно. Но возвращаться не хотелось. Чтобы снова встретиться их вместе. Какая глупость.. Я готова была заплакать от горя, от обиды.

– Вот, дура, говорила я сама себе, – конечно, у такого как он, обязательно должна быть такая как она. Я чувствовала себя гадким утенком, рядом с царевной лебедем. Смешно!

– Вы замерзнете, – тягучий, как мед голос наполнил меня без остатка.

Я резко вскинула голову. Он стоял рядом. Невыразимо прекрасный, как греческий бог. Я моментально потеряла дар речи.

– Вам нужно вернуться, – не дождавшись моего ответа, сказал он.

Я просто не могла ничего сказать. Несколько секунд он просто смотрел на меня сверху вниз, а потом резко повернулся и зашагал в сторону. Стремительно, словно, стараясь уйти как можно быстрее.

Слезы брызнули из глаз. Ну, вот. Я все испортила. Он сам со мной заговорил, а я повела себя, как ненормальная. Я еще продолжала ругать себя, когда вернулась в ложу. Села на свое место. Жюстин повернулась и улыбнулась мне. Снова погас свет, и началось второе действие. Кресло возле меня пустовало. Ни он, ни его спутница больше появились.

Глава 6.

Я, совершенно не видя дороги, медленно ехала по узким переулкам и улочкам. Наверное, я уже давным – давно заблудилась. Но почему то сейчас меня это совершенно не заботило. Дни складывались в недели, а моя жизнь окончательно потеряла смысл. Я больше ни разу его так и не увидела. Ничего не происходило. Я постоянно таскала Жюстин, уже начинающую возмущаться, в то самое кафе, в котором я впервые встретила моего ангела, мы часто навещали театр. Но его нигде не было. Я безуспешно пыталась что – либо о нем узнать, хотя бы какую – то пусть и ничего не значащую информацию, но безрезультатно. Никто из моих новых знакомых и знакомых Жюстин о нем ничего не знал. Часто, лежа по ночам без сна в своей кровати, я раз за разом воскрешала в памяти нашу последнюю с ним встречу. И снова переживала ту же бурю эмоций, как и тогда. Я в мельчайших подробностях помнила каждую черточку его лица, каждую деталь его костюма. А его голос? Я узнала бы его из тысячи, глубокий, тягучий. И однажды утром я просто поняла, что влюбилась в него. Вот так неожиданно для себя самой. Я часто слышала о любви с первого взгляда, но привыкла считать ее глупой выдумкой для бульварных романов. Поэтому теперь я понимала, что это полный бред, что все глупо и невозможно, но совершенно ничего не могла с собой поделать.

А однажды две недели спустя я проснулась, подошла как обычно к окну и увидела, что зима исчезла. Просто, как – будто ее никогда и не было вовсе. Я протерла глаза и снова уставилась в окно. Так и есть. Снег, уже ставший в последнее время грязно серым, исчез. Вокруг палисадники покрылись молодой ярко-зеленой травкой, зацвели яблони и вишни. А воздух за одно утро наполнился запахом трав и жасмина. Все за одну ночь обрело прекрасные выразительные краски, как на картинах великих художников. Я слегка улыбнулась, может впервые за последнее время, но затем задернула занавеску и пошла в ванную. Может быть, теперь мне будет, чем себя занять и отвлечься от всего происходящего.

С тех пор я начала часто кататься по городу на небольшой двуколке, одолженной у знакомого возницы. С лошадей Сеней мы постепенно подружились. Ему, кажется, тоже нравились наши спокойные и неторопливые поездки по тихому весеннему городу. Жюстин, сославшись на то, что до смерти боится лошадей, отказалась меня сопровождать, и нас с Сеней часто можно было встретить скользящими по улочкам, и каждого занятого своими невеселыми мыслями. Постепенно мы начали все дальше и дальше уезжать за город, стремясь скрыться от посторонних глаз. Сегодня я очнулась от своих дум только тогда, когда над моей головой плотным занавесом сомкнулись узловатые ветви гигантских деревьев, составляющих огромный лес, который простирался сразу за нашим городом. Вековые исполины словно тянули свои громадные ветви, стараясь ухватить меня за шляпу, их корни, как щупальца морских чудовищ высывались из –под земли. Солнце то ли совсем уже закатилось за горизонт, то ли просто не про-

никало сюда из – за толщи бурой пыльной листвы. По крайней мере, я с трудом видела что-то вокруг. Я никогда не заезжала так далеко. Дорога, по– началу широкая, теперь превратилась в узкую едва заметную тропинку, которая все дальше петляла среди почти непроходимой чащи. Если бы мы проехали еще пару десятков метров, то заблудились бы окончательно в этой непроглядной темноте.

– Боже, мой, Сеня, вот это мы с тобой забрели, еще чего доброго заблудимся, пора возвращаться – промолвила я.

Страх, тонкой струйкой, начал быстро забираться в душу. Я с большим трудом развернула на узкой тропинке двуколку и поехала обратно.

Я даже не поняла толком, что случилось, но вдруг Сеня неожиданно громко заржал, его передние копыта взмыли вверх, чуть не опрокинув меня вместе с двуколкой, а затем с бешеной скоростью понесся по дороге. Я в панике пыталась натянуть вожжи, что-то кричала, но все бесполезно. Лошадь неслась с невероятной скоростью. Моя шляпа моментально слетела с головы и шпильки каскадом начали выпадать мне на плечи. «Да, что же это, – только и успела подумать я, как ужас сковал меня напрочь. С обеих сторон, наравне с нами мчались два огромных волка нереальных размеров. Их прищуренные налитые кровью глаза, смотрели прямо на меня. Они постоянно наклоняли головы, пытались схватить Сеню за ноги, но он отчаянно отмахивался. Я прекрасно понимала, что мы ни за что не сможем оторваться от них, тем более, вместо того, чтобы бежать к городу, испуганная лошадь подгоняемая волками, неслась точно параллельно ему. Неожиданно волк предпринял еще одну попытку настигнуть нас, отчего Сеня резко свернул вправо, меня вместе с двуколкой начало опрокидывать на бок, чтобы не перевернуться я, пытаюсь сохранить остатки самообладания, прижалась всем телом к противоположному борту. Моя карета выровнялась, а я продолжала беспомощно висеть на боку. Острые прутья корсета больно впились мне в грудь и в живот. Стало моментально нечем дышать, перед глазами поплыли разноцветные круги. Словно тряпичная кукла, я беспомощно висела поперек борта двуколки и даже не могла закричать, так как на это мне просто не хватило бы воздуха. Я уже готова была второй раз окончательно проститься с жизнью, как неожиданно стальная сильная рука приподняла меня как пушинку над землей. На секунду я почувствовала невесомость, а потом вдруг я сидела на лошади, и кто-то очень сильный крепко прижимал меня к груди. Я почувствовала железные мышцы, скрытые бархатным черным плащом. К нему я прижалась лицом и зажмурилась. От плаща пахло огнем. Я не знала до конца, как пахнет огонь, но его плащ пах именно так. А потом я услышала, как заскулили волки. Мне было совершенно нечем дышать, корсет буквально разрывал мою грудную клетку. И прежде чем потерять сознание я запрокинула голову и снова увидела любимые голубые, как летнее небо глаза. В них читалось спокойствие. Ледяное спокойствие и неподвижность:

– Себа...стиан – только и вымолвила я.

Мне показалось, что я услышала:

– Все будет хорошо, все будет хорошо.

Его лошадь остановилась, он легко спрыгнул с нее, я поняла это, потому что на секунду потеряла опору, а потом он легко подхватил меня, положил на свой плащ. Я почувствовала треск разрываемой ткани. Грудь заполнил прохладный ночной воздух, легкие загорелись, круги перед глазами обозначились еще ярче, и я потеряла сознание.

Очень медленно я приходила в себя. Как только начала что-либо понимать, острая боль заполнила все мое тело. Она разламывала его с чудовищной силой. Я попробовала пошевелить рукой, получилось. Немного приподняла голову и только тогда приоткрыла глаза. Я ожидала увидеть страшную картину, мою разбитую двуколку, мертвую лошадь и двух огромных волков, смотрящих на меня голодными глазами. Но вместо этого я вдруг с головой окунулась в синеву его глаз. Он сидел рядом со мной на земле и смотрел мне в лицо. В его глазах уже не

было страха, была только злость. Я попыталась приподняться на локте, но обессилено рухнула обратно. Он, молча, приподнял мою голову, снова запахнул полы плаща, в который я была завернута и прислонил к моим губам горлышко бутылки:

– Выпей немного, – повелительным тоном произнес он на каком-то языке. Кажется, на испанском..

Я послушно сделала пару глотков приятной на вкус жидкости, напоминающей неразбавленное martini, почувствовала, как она обожгла мне все изнутри, но боль стала заметно стихать. Моя голова по-прежнему покоилась на его руке, и мне так не хотелось сейчас шевелиться. Он молчал, я тоже не знала, что сказать, но сейчас мне было так несказанно хорошо просто находиться с ним рядом. Вдруг он положил мою голову на плащ, изящным движением поднялся на ноги и сказал:

– Нам уже пора, ты поедешь на моей лошади вместе со мной, а твоего коня привяжем сзади.

Его тон мне почему – то очень не понравился, я искренне не понимала, почему он злится. Во мне поднялась волна противоречия:

– Ничего страшного, – с вызовом сказала я, – доеду как-нибудь, не такая я уж и беспомощная.

После моих слов он резко повернулся. Его глаза потемнели от злости:

– Да, что ты говоришь, – с сарказмом в голосе проговорил он, – а час назад я этого совсем не заметил.

Я даже не успела опомниться, как он оказался сверху и припер меня одной рукой к земле: – Ты, что совсем ничего не понимаешь? – воскликнул он, – ты могла здесь погибнуть!

– Я не могу погибнуть – прокричала я, – я уже...ну, уже..

– Ты хочешь сказать, уже погибла? Ты ошибаешься. Расскажи мне, кто был твоим проводником, он не объяснил тебе элементарных вещей, – он говорил ровным тоном, но ярость все же пробивалась наружу. – Человеческая смерть, это вовсе не так страшно. Это просто переход от одного состояния к другому, а вот смерть души – это конец. Пока ты не ушла ни в один из миров. Ты уязвима. Здесь за пределами Коллектора, нет сил, которые смогут уберечь тебя. Ты обычный человек, и то, что ты, как ты выражаешься, уже умерла, не прибавит тебе силы. Здесь бродит столько нечисти, что ты даже представить не можешь. За этим лесом начинается ад. Если ты погибнешь, до того как перейдешь в какой-то из миров, то канешь в небытие, словно, тебя никогда и не было раньше.

Мне было безумно страшно, меня била сильная дрожь. И то ли заметив это, он неожиданно смягчился:

– Ладно, твой проводник вряд ли мог представить, что тебя понесет искать приключения вне Коллектора. Это мало кому приходит в голову. Тебе помочь подняться? – В середине фразы он неожиданно перешел на чистейший русский.

Не смотря на то, что в его словах была большая доля истины, мне вдруг стало страшно обидно за то, как он посмел со мной разговаривать. Стараясь не смотреть на него, чтобы не забыть, как дышать, и вообще, чтобы не забыть обо всем на свете, я начала упрямо подниматься сама. Но неожиданно запуталась в полах его плаща, сильно дернула их, выбивая себе почву из-под ног, и стремительно полетела на спину. Его холодная сильная рука перехватила меня поперек талии. Полы плаща распахнулись, открывая разорванное платье. Я покраснела, пытаюсь запахнуться. Мои глаза встретились с его, и больше не пожелали с ними расставаться. Вдруг он улыбнулся, сначала неуверенно, но потом все шире, пока наконец, просто не засмеялся. И тут я неожиданно засмеялась вместе с ним. Не знаю, почему, наверное, я просто была счастлива.

Лошадь, медленно ступая, осторожно брела в сторону города. Мой Сеня плелся где-то сзади. Я, с трепетом прильнув к сильному плечу, пыталась бороться со сном. Я чувствовала, как его рука, сквозь плащ жгла мое тело. С ним мне было так спокойно. На протяжении всей нашей дороги обратно, я злилась на то, как мало мне отпущено времени, чтобы побыть с ним рядом. И хотя усталость от пережитого напряжения просто валила меня с ног, оправившись от перманентного шока, я невольно начала задаваться вопросами. «Он сказал мне, что дальше за лесом начинаются владения дьявола, и что туда ни в коем случае нельзя никому ходить, тогда как же он сам оказался так далеко от города? И почему два озверевших голодных волка убежали, едва он появился? Почему он так уверен в себе? Кто же он на самом деле?»

Эти вопросы жгли мне язык, но я не решалась задать их, боясь разом уничтожить ту теплоту, которая сейчас установилась между нами. Я слегка приподняла голову и посмотрела снизу вверх на его лицо. Как же он прекрасен? – снова с дрожью подумала я, но тут же себя одернула: «Я совсем с ума сошла! Вообразила себя романтической героиней, просто он случайно оказался рядом, сейчас мы вернемся и он снова исчезнет.» От невеселых мыслей, мне стало так противно на душе, что невольно я глубоко вздохнула. Его рука машинально прижала меня крепче к груди. Волна необыкновенной любви накрыла меня с головой.

Наверное, по дороге я все-таки заснула. Потому что с трудом помню, как мы приехали к моему дому. Он грациозно соскочил с лошади, пока я пыталась открыть глаза, а затем, словно во мне не было ни килограмма веса, легко взял меня на руки и понес в подъезд. Возле моей двери, я заметила, что ключ уже давно у него. Он внес меня в спальню и положил на кровать, укрыв одеялом:

– Себастиан, – едва слышно прошептала я, – можно тебя кое- о чем попросить?

Он заглянул мне в глаза и, мне показалось, что я увидела в них ожидание.

– Себастиан, посиди со мной немного, только пока я не усну... мне не хочется оставаться одной.

На самом деле я прекрасно знала, что завтра снова останусь одна, но сегодня еще не закончилась самая прекрасная ночь в моей жизни, и мне хотелось быть счастливой до конца.

– Пожалуйста? – без особой надежды вымолвила я.

Он нерешительно стоял на месте. В его глазах на секунду поднялась борьба. Но затем он моргнул и она исчезла. Он с тоской посмотрел на меня, а затем осторожно присел рядом со мной на кровать. «Больше мне ничего не нужно!» подумала я. Его рука оказалась рядом с моей, я слегка придвинула ее в его сторону и в эту секунду его ладонь накрыла мою. Сердце мое билось так, что, по – моему его было слышно на всю комнату. Но усталость взяла свое, и я провалилась в сон.

Я просыпалась. Глаза нехотя открывались, комната приобретала привычные очертания. Косыми лучами светило яркое весеннее закатывающееся за горизонт солнце. Кажется, я снова проспала весь день. Я слегка улыбнулась. Раньше, в моей другой жизни, я всегда страшно не досыпала, захваченная неумным ритмом нашего постоянно спешащего времени. Зато теперь я получила сполна. Неожиданно перед моими глазами с невероятной быстротой начали происходить события вчерашнего вечера: вот мы с Сеней не спеша едем по лесу. А затем страшные огромные хищники. Я на грани смерти, и наконец... он. Он же был со мной вчера, мой ангел, Себастиан. Он принес меня домой, положил на кровать. Он был со мной рядом, пока я не уснула. Волна счастья стремительно сменилась приступом острой тоски: но вот теперь этот прекрасный сон закончился. Он ушел, и возможно, я больше его никогда не увижу. Я слегка подвинулась на середину кровати, представляя, что несколько часов назад он сидел здесь рядом со мной и ...о, Боже... я почувствовала его рядом. Я не верила сама себе: «может быть я уже

совсем начала принимать желаемое за действительное, но нет, он был здесь. Я поняла это интуитивно, это обязательно он.

Я осторожно поворачиваюсь. Он мирно спит рядом. Его ресницы слегка подрагивают, дыхание ровное. Даже во сне он излучает силу и невероятную опасность: «почему, я и сама пока не могла себе этого объяснить». Я внимательно вглядываюсь в его лицо: оно такое спокойное и безмятежное. И такое несказанно красивое. Я осторожно протягиваю руку и слегка дотрагиваюсь до его кудрявых светло-каштановых волос и в эту секунду замечаю, что его бездонные небесно-голубые глаза с интересом наблюдают за мной. Моя рука невольно замирает в воздухе:

– Доброе утро!– улыбаясь, произносит он. Его голос просто сводит меня с ума.

– Доброе утро, – отвечаю я, – ты остался?

– Да, у меня был трудный день, и я сам не заметил, как уснул. Тем более, ты так крепко во сне держала меня за руку.

Мне становится безумно стыдно, я чувствую, как начинаю краснеть, пытаюсь спрятать лицо, но он молниеносным движением берет меня за подбородок и приподнимает голову:

– Но, ты же понимаешь, что я все равно бы ушел.. если бы захотел.

В эту секунду мне безумно хочется обнять его прижать голову к его груди и почувствовать, как бьется сердце. Но я чудовищным усилием сдерживаюсь.

– Теперь мне пора, Кристина, – шепчет он.

Я чувствую, как к горлу подкатывает комок. «Сейчас расплачусь, как ребенок» – думаю я.

Он резко поднимается с кровати, мгновение и он уже сидит на подоконнике моего открытого окна:

– Себастиан! – окликаю его я,– мы увидимся еще?

– Вечером я буду ждать тебя возле театра,– конец фразы звучит уже откуда-то снизу. Я вскакиваю, подбегаю к окну и смотрю вниз. Где-то вдалеке слышно едва различимый конский топот, да клубится поднятая пыль.

Я собралась задолго до того, как мне нужно было выезжать в театр, и лихорадочно расхаживала из одного угла комнаты в другой. Меня била нервная дрожь, я буквально не находила себе места. В голове не укладывалось, как так произошло, что человек, такой прекрасный, как мой ангел, вдруг вообще обратил на меня внимание. Чем же я заслужила такое счастье. Я представляла себе, как удивится Жюстин, когда увидит меня рядом с Себастианом и весело смеялась, каждую минуту, подбегая к зеркалу.

Наконец, пришла пора отправляться в театр, я моментально спустилась вниз и начала искать извозчика, который отвез бы меня туда. Но, как назло вокруг совсем никого не было. Издалека послышался дробный топот, я посмотрела в сторону. Мысленно я уже представляла себе, что вот скоро подъеду к театру, а там меня будет ждать он. Мой принц, мой ангел, мое самое любимое создание...

Господь наделяет любовью не всех, она приходит лишь иногда, лишь однажды, безумная, страстная, всепоглощающая. Она умеет убивать и укрощать, она может делать нас сильными и слабыми одновременно. Она не понятна тому, кто не любил, она, то, что делает нашу жизнь осмысленной и кому-то нужной. Почему она приходит? Этого никто не знает, она дарит глоток воздуха, иногда краткий, иногда мучительный, но этот глоток каждый из нас будет помнить всю жизнь.

Я смотрела в его лицо. Что я видела в нем? Не знаю. Я не могла читать его. Он был неразгаданным и нераскрытым. Но я любила его. Вот он протягивает руку и моя ладонь ложится в его.

«Что ты чувствуешь?» спрашивают его глаза.

«Я счастлива» – отвечают мои. «Я искала тебя, ждала тебя, мой родной, любимый, единственный. Важно только то, что сейчас, остальное будет потом, остальное будет не нужно. Сейчас ты со мной. Ты со... мной.

Все как во сне. Переполненный зал театра. Он в окружении мужчин и женщин, жаждущих его. Я стою рядом с Жюстин. Я ловлю его взгляд. Я не чувствую под собой земли.

«Что это?» – спрашивает мое сердце, «Кто ты? Ты пришел за мной? Зачем?»

Он улыбается. Он смотрит мне в глаза. В них опасность, но она втягивает меня в себя все больше. Он нужен мне.

В тумане спектакль, в тумане лица. И только он рядом. Я тянусь к нему. Я чувствую, как мое тело бьет током. Он со мной, он рядом. Моя мечта. Вот наша двуколка, мы едем куда-то, навстречу звездам. Я смотрю на него и не могу наглядеться. Что же это? Любовь, пусть моя пусть безответная, но любовь. Мы долго стоим, всматриваясь в темноту ночи. Он молчит, и мне так хочется прижаться к нему, просто коснуться, но я не смею.

Он поворачивается: «Что со мной? – говорит его взгляд», « Я не понимаю, почему я здесь, почему мне не хочется уйти? Что же это?»

«Я нужна тебе?»

«Нужна»

«Позволь мне остаться, остаться навсегда, с тобой, просто быть рядом.

«Кто подшутил над нами так жестоко? Мы просим невозможного».

«Мы просим любви, нам это нужно.

Он касается моих губ рукой.

«Останься со мной. Навсегда. Останься».

«Я твоя, уже совсем твоя, просто не уходи. Останься

Останься.....

Глава 8

Я снова лениво открываю глаза. Вижу белый потолок моей комнаты. Меня переполняет невыразимое счастье. Вчера был, бесспорно, самый прекрасный вечер в моей жизни. Или, как теперь называется мое состояние. Вчера мой самый любимый мужчина был рядом. И на секунду, на краткий миг я даже смогла представить себе, что безразлична ему. Теперь, когда рассудок начал понемногу возвращаться, я совсем не могла понять, чем обязана такому неожиданному счастью, которое вдруг повернулось ко мне лицом.

«Теперь все непременно должно быть хорошо!». Почему – то, сейчас я была в этом абсолютно уверена, и хотя здравый смысл все-таки еще пытался напомнить мне, что возможно я несколько перегибаю палку, я упорно отказывалась его слушать.

Я знала, что вот сейчас настанет вечер и Себастиан снова появится на пороге моего дома.

Но он не появился ни в этот вечер и на следующий. Я совсем не понимала, что же все-таки происходит. Весь день, до самой глубокой ночи я просидела у окна в ожидании. Иногда мне начинало явственно казаться, что я слышу глухие знакомые шаги в коридоре, но шаги замирали, так и не достигая моей двери. Сперва, я еще пыталась успокоить себя тем, что возможно, у него сейчас какие-нибудь дела, очень важные и неотложные. И, как только он их закончит, непременно появится. Я понимала, что у живущих здесь и дел-то никаких быть не может, но ведь должно же быть объяснение всему происходящему.

Я смутно вспоминала вчерашнюю ночь, кажется, я уснула, как только прилегла на свою постель. И он был рядом. Я чувствовала тепло его тела даже теперь, кутаясь в пуховый плед и дрожа от холода.

А потом была самая длинная, бессонная ночь в моей жизни. Я просто сидела все также на своем широком подоконнике и всматривалась в ночную синь неба. Легкий летний ветерок

доносил до моего окна запах цветущей ароматной сирени и жимолости. Я все еще продолжала его ждать, пытаясь хоть чем-то оправдать его отсутствие, но его все не было.

А затем, когда наступило тяжелое пасмурное утро, и полил противный холодный дождик. Я тоскливо смотрела на затянутое непроглядной чернотой низкое небо и уже точно знала, что он больше не вернется.

Наверное, если бы сейчас я была в том мире, где прожила отпущенные мне 23 года, я конечно, могла бы представить себе такой исход, но здесь, оторванная от реальности, я почему – то легкомысленно и безумно начала верить в истории со счастливым концом. Но ведь Лоран когда-то говорил мне о том, что Коллектор совсем не отличается от нашего мира. Знал бы он насколько близок оказался к истине. Невыплаканные слезы больно щипали мне глаза, но почему –то заплакать я не могла. Бесцельно бродя по своей маленькой квартирке, я пыталась осмыслить и понять его. Хотя выводы напрашивались сами. Ему просто было все равно, должно быть, он здесь уже давно, и ему наскучило проводить без дела многочисленные дни, которые проходили в праздности. А тут так кстати появилась я. По мне, наверное невооруженным взглядом было видно, что по уши в него влюблена, вот он и решил, что можно как-то по-иному провести время. И хотя что-то упорно и подсказывало мне, что красивый и уверенный в себе мужчина мог найти занятие и поинтереснее, чем спасать от волков до смерти перепуганную девушку, но я ушедшая в свою обиду, не желала его слушать.

Постепенно обида начала отступать и меня захлестнула волна отчаяния. Ведь я все-таки любила его, не понимаю почему, не понимаю, как это произошло, но действительно смогла бесконечно полюбить его за те несколько коротких встреч, которые у нас были. Сама не замечая того, я крепко обнимала плед, на котором он еще совсем недавно лежал.

Мне внезапно захотелось, что Совет наконец все-таки принял решение и я смогла бы уйти подальше от того места, которое причиняло теперь мне только боль.

Я осторожно подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение. И опять в моих глазах тоска.

– Да, что ж судьба-то у меня такая несчастная... даже после смерти – прошептала я своему отражению. А потом тихо сползла по косяку на пол и уткнувшись в плед, навзрыд заплакала.

Разбудил меня быстрый стук в дверь, открыв глаза, я поняла, что так и уснула, сидя возле стены и завернутая в плед. В моей голове стремительно пронеслась шальная мысль о том, что, возможно мой Себастиан все-таки вернулся. Я живо вскочила и понеслась к двери, опрокинув два стула на ходу. Быстро открыла дверь и отступила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.